

Митрополит Иларион
(Алфеев)

ВО ЧТО ВЕРЯТ
ПРАВОСЛАВНЫЕ
ХРИСТИАНЕ

Иларион (Алфеев)

Во что верят

православные христиане

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7411521

*Во что верят православные христиане. / Иларион (Алфеев),
митрополит Волоколамский: Никея; Москва; 2014*

ISBN 978-5-91761-316-1

Аннотация

У многих нет ни времени, ни возможности разобраться в том, во что же верят православные христиане. Книга митрополита Илариона простым языком говорит об истинах и опыте православной веры и Православной Церкви: о Боге, о Святой Троице, об Иисусе Христе, о спасении, о мире и человеке, об искуплении и обожении, богослужении и таинствах, о смерти и воскресении. Сборник можно рекомендовать всем читателям, независимо от их образования, возраста и опыта, всем, кто желает не только познакомиться с учением Церкви, но и осмысленно в ней жить.

Содержание

Что такое вера?	5
Многообразие путей	8
Бог	11
Священное имя Бога	13
Божественные имена	15
Свойства Бога	18
Катафатизм и апофатизм	21
Бог Троица	24
Троичная терминология	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Иларион (Алфеев),
митрополит
Волоколамский
Во что верят
православные христиане**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 13-306-0468

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея». Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

Что такое вера?

Вера – это путь, по которому Бог и человек идут навстречу друг другу. Первый шаг делает Бог, всегда и безусловно верящий в человека. Он дает человеку некий знак, некое предощущение Своего присутствия. Человек слышит как бы таинственный зов Бога, и его шаг навстречу Ему является ответом на этот зов. Бог призывает человека явно или тайно, ощутимо или почти незаметно. Но трудно человеку поверить в Бога, если он прежде не ощутит призыва.

Вера – это тайна и таинство. Почему один человек откликается на зов, а другой нет? Почему один, услышав слово Божие, готов принять его, а другой остается глух? Почему один, встретив Бога на своем пути, тотчас бросает все и следует за Ним, а другой отворачивается и уходит в сторону? «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы. И говорит им: идите за Мною... И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна... и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф. 4: 18–22). В чем тайна этой готовности галилейских рыбаков, бросив все, следовать за Христом, Которого они видят впервые в жизни? И почему богатый юноша, которому Христос

тоже сказал «приходи, и следуй за Мною», не откликнулся тотчас, но «отошел с печалью» (Мф. 19: 21–22)? Не в том ли причина, что те были нищими, а этот обладал «большим именем», те не имели ничего, кроме Бога, а у этого были «сокровища на земле»?

У каждого человека есть свои сокровища на земле – будь то деньги или вещи, хорошая работа или жизненное благополучие. А Господь говорит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5: 3). В древних списках Евангелия от Луки еще проще и прямее: «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк. 6: 20). Блаженны ощутившие, что они ничего не имеют в этой жизни, хотя бы и обладали многим, почувствовавшие, что никакое земное обретение не может заменить человеку Бога. Блаженны те, которые идут и продают все свое богатство, чтобы приобрести одну драгоценную жемчужину – веру (Мф. 13: 45–46). Блаженны те, которые познали, что без Бога они нищие, которые возжаждали и взалкали Его всей душой, всем разумом и волей.

Слово о вере никогда не было легким для восприятия. Но в наше время люди порой настолько поглощены проблемами земного существования, что многим просто некогда услышать это слово и задуматься о Боге. Подчас религиозность сводится к тому, что празднуют Рождество и Пасху и соблюдают еще кое-какие обряды только ради того, чтобы «не оторваться от корней», от национальных традиций. А то вдруг

религия становится «модной», и в церковь идут, чтобы не отстать от соседа. Но главным для многих остается работа. «Деловые люди» – это особая генерация людей XX – начала XXI века, для которых не существует ничего, кроме их собственной функции в каком-то «деле», бизнесе, поглощающем их полностью и не оставляющем ни малейшего про света или паузы, необходимой для того, чтобы услышать голос Бога.

И все же, как ни парадоксально, среди шума и круговорота дел, событий, впечатлений люди слышат в своем сердце таинственный Божий зов. Этот зов, может быть, не всегда отождествляется с идеей о Божестве и субъективно воспринимается просто как некая неудовлетворенность, внутреннее беспокойство, стремление к поиску. И только спустя годы человек осознает: вся его прежняя жизнь была неполноценной и ущербной из-за того, что в ней не было Бога, без Которого нет и не может быть полноты бытия. «Ты создал нас для Себя, – говорит блаженный Августин, – и беспокойно томится сердце наше, пока не успокоится в Тебе».

Многообразие путей

Люди приходят к Богу разными путями. Иногда встреча с Ним внезапна и неожиданна, иногда – подготовлена опытом долгих исканий, сомнений, разочарований. В одних случаях Бог «настигает» человека, заставляя его врасплох, в других – человек сам обращается к Богу. Это обращение может произойти рано или поздно, в детстве и юности или в зрелости и старости. И нет двух людей, которые пришли бы к Богу одинаковой дорогой. И нет такой проторенной дороги, по которой один мог бы идти вслед за другим. Каждый первопроходец, каждый должен сам преодолеть весь путь и обрести своего Бога, Которому мы говорим: «Боже! Ты Бог мой» (Пс. 62: 2). Бог один и тот же для всех людей, но Он должен быть открыт *мною* и стать *моим*.

Один из примеров внезапного обращения человека к Богу – апостол Павел.

Прежде чем стать апостолом, он был правоверным иудеем и ненавидел христианство как вредную и опасную секту. «Дыша угрозами и убийством», он шел в Дамаск, намереваясь причинить много зла Церкви. И когда уже приближался к городу, «внезапно осиял его свет с неба; он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9: 1–5). Ослепленный

Божественным светом, Савл потерял зрение – три дня он не видел, не ел и не пил. А потом принял Крещение, прозрел и стал апостолом Христа – тем, кому суждено было «более всех» потрудиться в проповеди Евангелия (1 Кор. 15: 10). И тотчас после своего Крещения он пошел проповедовать того Христа, Который открылся лично ему, Который стал *его* Богом.

Конечно, обращение к Богу далеко не всегда бывает внезапным и неожиданным: чаще человека ждут долгие поиски. Блаженный Августин должен был пройти через многие заблуждения и испытания, перечитать не одну философскую и богословскую книгу, прежде чем в тридцать три года понять, что он не может жить без Бога. В наше время некоторые начинают искать абстрактную и отвлеченную «истину» через книги, а приходят к откровению Бога Личности. Иногда к христианству ведут окольные пути – через восточные религии и культы, буддизм, йогу. Иные обретают Бога, пережив катастрофу: потерю близкого, скорбь, болезнь, крушение надежд. В несчастье человек ощущает свою нищету, понимает, что он утратил все и не имеет ничего, кроме Бога. Тогда он может воззвать к Богу *de profundis* – из глубины (см. Пс. 129: 1), из бездны горя и безнадёжности.

Обращение к Богу может произойти благодаря встрече с истинным верующим – священником, благочестивым мирянином. Христос сказал: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли

Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16).

Если бы христиане сияли Божественным светом, если бы в их глазах отражалась Божественная любовь, это было бы лучшим свидетельством о Боге и доказательством Его бытия. Один юноша решил посвятить жизнь Богу, после того как увидел священника, который на его глазах преобразился, подобно Христу на Фаворе, и просиял небесным светом...

Существует и самый, казалось бы, естественный путь к Богу: ребенок появляется на свет в религиозной семье и вырастает верующим. И тем не менее вера, хотя и полученная от отца и матери, должна быть осмыслена или выстрадана самим человеком, должна стать частью *его* собственного опыта. Известны случаи, когда выходцы из религиозных семей или даже семей священников становились атеистами: достаточно вспомнить Чернышевского и Добролюбова, которые родились в духовном сословии, но порвали с религиозностью своих предков... Верующими не рождаются. Вера дается, но дается усилиями и подвигом человека.

Бог

В разных языках слово «Бог» родственно различным словам и понятиям, каждое из которых отражает те или иные свойства Бога. В древнюю эпоху люди пытались подобрать слова, способные выразить их представление о Боге, их опыт соприкосновения с Божеством.

В русском и других языках славянского происхождения, относящихся к индо европейской группе, слово «Бог», как считают лингвисты, родственно санскритскому *bhaga* – «одаряющий, наделяющий», – в свою очередь, происходящему от *bhagas* – «достояние», «счастье». «Богатство» тоже родственно слову «Бог». В этом выражено представление о Боге как полноте бытия, как всесовершенстве и блаженстве, которые, однако, не остаются *внутри* Божества, но изливаются на мир, людей, на все живое. Бог *одаряет, наделяет* нас Своей полнотой, Своим богатством, когда мы приобщаемся к Нему.

Греческое слово *theos*, по мнению Платона, происходит от глагола *theein*, означающего «бежать». Древние греки видели в природе, ее круговращении, целенаправленном «беге» указания на существование какого-то высшего разумного начала, которое не могли отождествить с единым Богом и представляли в виде множества божественных сил. Однако святитель Григорий Богослов наряду с этой этимологией при-

водит другую: *theos* от глагола *ethein* – «зажигать», «гореть», «пылать». «Ибо Господь, Бог твой, есть огонь поядоющий, Бог ревнитель», – говорится в Библии (Втор. 4: 24).

В языках германского происхождения слово «Бог» – английское *God*, немецкое *Gott* – происходит от глагола, означающего «падать ниц», преклоняться в поклонении. «Людьми, которые в раннее время стремились сказать нечто о Боге, – говорит по этому поводу митрополит Сурожский Антоний, – не было сделано попытки Его описать, очертить, сказать, каков Он в Себе, а только указать на то, что случается с человеком, когда вдруг он окажется лицом к лицу с Богом, когда вдруг его осияет Божественная благодать, Божественный свет. Все, что человек может тогда сделать, это пасть ниц в священном ужасе, поклоняясь Тому, Кто непостижим и вместе с тем открылся ему в такой близости и в таком дивном сиянии». Апостол Павел, которого Бог осиял на пути в Дамаск, пораженный этим светом, тотчас «упал на землю... в трепете и ужасе» (Деян. 9: 4, 6).

Священное имя Бога

Имя, с которым Бог открылся древним евреям, – *Yahweh* (Яхве) означает «Сущий», имеющий существование, бытие. Оно происходит от глагола *hayah* – «быть», «существовать» или скорее от первого лица этого глагола *ehieh* – «Я есмь». Однако этот глагол имеет динамический смысл: он означает не просто факт существования, но некое всегда актуальное бытие, живое и действенное присутствие. Когда Бог говорит Моисею: «Я есмь Сущий» (Исх. 3: 14), следует понимать: Я живу, Я здесь, Я рядом с тобой. Вместе с тем это имя подчеркивает превосходство бытия Божьего над бытием всего существующего: это самостоятельное, первичное, вечное бытие, это полнота бытия, которая есть сверхбытие.

Древнее предание говорит о том, что евреи в эпоху после вавилонского плена не произносили имя Яхве – Сущий из благоговейного трепета перед ним. Только первосвященник один раз в год, войдя для каждения в Свята святых, мог произнести это имя. Если же простой человек или даже священник в храме хотел сказать что-либо о Боге, он заменял имя Сущий другими или говорил: «Небо». Известна и такая традиция: при необходимости человек молча прикладывал руку к сердцу или показывал рукой на небо, и все понимали, что речь идет о Боге, но само священное *Имя* не произносилось. На письме евреи обозначали Бога священной тет-

раграммой (YHWH). Они сознавали, что на человеческом языке нет такого имени, слова или термина, которым можно было бы поведать о сущности Бога. Воздерживаясь от произнесения имени Бога, евреи показывали, что к Богу можно приобщиться не столько через слова и описания, сколько через благоговейное и трепетное молчание...

Божественные имена

В Священном Писании встречается множество имен Бога, каждое из которых, не способное описать Его по существу, указывает на те или иные Его свойства.

Некоторые имена подчеркивают превосходство Бога над видимым миром, Его власть, господство, царское достоинство. Имя Господь обозначает господство Бога над всей Вселенной. Имена Святой, Святыня, Святость, Освящение, Благой, Благодать показывают, что Бог имеет в Себе всю полноту добра и святости, причем изливает это добро на все Свои создания, *освящая* их. «Да святится имя Твое», – обращаемся мы к Богу в молитве «Отче наш». То есть да будет Твое имя свято не только на небесах, в духовном мире, но и здесь, на земле: да святится оно в нас, чтобы мы стали святы, как Ты.

Бог также называется Мудростью, Истиной, Светом, Жизнью, Спасением, Искуплением, Избавлением, Воскресением, ибо только в Боге осуществляется спасение человека от греха и вечной смерти, воскресение к новой жизни.

Бог назван Правдой и Любовью. Первое имя подчеркивает Божественную справедливость: Он Судья, наказывающий за зло и награждающий за добро. Таков, во всяком случае, Бог Ветхого Завета. Однако Новозаветное Благовестие открывает, что Бог, будучи справедливым и правосудным, превосходит наши представления о справедливости:

«Не называй Бога правосудным, – пишет преподобный Исаак Сирий. – Где правосудие Божие? В том, что мы грешники, а Христос за нас умер?» Ветхозаветное представление о справедливости Бога Новый Завет восполняет учением о Его любви, превосходящей всякую справедливость. «Бог есть любовь», – говорит святой апостол Иоанн Богослов (1 Ин. 4: 8). Это самое возвышенное определение Бога, самое истинное из того, что можно сказать о Нем. По словам святителя Григория Богослова, это имя «угоднее Богу больше всякого другого имени».

В Библии также встречаются имена Бога, заимствованные из природы и не являющиеся Его характеристиками или попытками определить Его свойства. Это как бы символы и аналогии, имеющие вспомогательное значение. Бог сравнивается с Солнцем, звездой, огнем, ветром, водой, росой, облаком, камнем, скалой, благоуханием. О Христе говорится как о Пастыре, Овце, Агнце, Пути, Двери, образе Божиим. Все эти имена просты и конкретны, они заимствованы из повседневной реальности, из обыденной жизни. Но имеют такое же значение, как образы в притчах Христа – образы жемчужины, дерева, закваски в тесте, семян на поле, под которыми мы угадываем нечто бесконечно более великое.

Во многих текстах Священного Писания о Боге говорится как о человекоподобном существе: Он имеет лицо, глаза, уши, руки, плечи, ноги, дыхание; поворачивается или отворачивается, вспоминает или забывает, гневается или успока-

ивается, удивляется, скорбит, ненавидит, ходит, слышит. В основе этого антропоморфизма лежит опыт *личной встречи с Богом как живым существом*. Пытаясь выразить этот опыт, человек прибегал к знакомым ему словам и образам. В библейском языке почти нет отвлеченных понятий, столь важных для спекулятивной философии: когда надо было обозначить какой-то промежуток времени, не говорили «эпоха» или «период» – говорили «час», «день», «год» или «век»; когда надо было сказать о материальном и духовном мире, не говорили «материя» и «духовная реальность», но – «небо» и «земля». Библейский язык, в отличие от философского, обладает предельной конкретностью именно потому, что опыт библейского Бога был опытом личной встречи, а не отвлеченных умозрительных спекуляций.

Свойства Бога

Трудно говорить о свойствах Того, Чья природа находится за пределами слов. Тем не менее исходя из действий Бога в тварном мире человек может делать предположения и умозаключения относительно свойств Бога. Согласно учению святого Иоанна Дамаскина, Бог безначален, бесконечен, вечен, постоянен, несотворен, непреложен, неизменяем, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неопишем, беспределен, недоступен для ума, необъятен, непостижим, благ, праведен, Творец всех вещей, Всемогуш, Вседержитель, Всевидящий, Промыслитель обо всем, Владыка всего.

Безначальность Бога означает, что Он не имеет над Собой никакого высшего начала или причины Своего существования, но Сам является причиной всего. Он не нуждается ни в чем постороннем, свободен от внешнего принуждения и воздействия.

Бесконечность и беспредельность означают, что Бог существует вне категорий пространства, свободен от всякого ограничения и недостатка. Он не может быть измерен, Его нельзя ни с кем и ни с чем сравнить или сопоставить. Бог вечен, т. е. существует вне категорий времени, для Него нет прошедшего, настоящего и будущего: «Я тот же, Я первый и Я последний» (Ис. 48: 12); «Я есмь Альфа и Омега, на-

чало и конец, говорит Господь, Который есть, и был и грядет» (Апок. 1: 8). Не имея ни начала ни конца во времени, Бог является несотворенным – никто не создал Его: «Прежде Меня не было Бога и после Меня не будет» (Ис. 43: 10).

Бог обладает постоянством, непреложностью и неизменяемостью в том смысле, что у Него «нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1: 17), Он всегда верен Самому Себе: «Бог не человек, чтоб Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться» (Числ. 23: 19). В Своем существе, действиях, свойствах Он всегда пребывает один и тот же.

Бог прост и несложен, т. е. не делится на части и не состоит из частей. Троичность Лиц в Боге не есть разделение единой Божественной природы на части: естество Бога остается неделимым. Понятие о совершенстве Божества исключает возможность деления Бога на части, так как всякое частичное бытие не есть совершенство.

Бестелесным Бог назван потому, что не имеет тела и по природе является духовным. «Бог есть Дух», – говорит Христос (Ин. 4: 24). «Господь есть Дух, – повторяет апостол Павел, – а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3: 17). Бог свободен от всякой материальности. Когда Библия говорит о *езде*-присутствии Бога, то это опять же попытка выразить субъективный опыт человека, который, *где бы он ни был, везде* встречает Бога: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и пересе-

люсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя» (Пс. 138: 7–10). Субъективно человек может ощущать Бога везде, а может не ощущать нигде – Сам Бог при этом остается вне категории «где-то», вне категории «места».

Бог невидим, неосязаем, неописуем, непостижим, необъятен, недоступен. Сколько бы мы ни пытались исследовать Бога, сколько бы ни рассуждали о Его именах и свойствах, Он все равно остается неуловим для ума, потому что превосходит всякую нашу мысль. «Уразуметь Бога трудно, а изречь невозможно», – пишет Платон. Святитель Григорий Богослов, полемизируя с эллинским мудрецом, говорит: «Изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно».

Бог невидим – Его «не видел никто никогда» (Ин. 1: 18) в том смысле, что никто из людей не мог узреть Его, постичь умом Его сущность. Человек способен приобщиться к Богу, стать причастным Ему, но он никогда не поймет Бога, потому что «понять» – это значит в каком-то смысле исчерпать.

Катафатизм и апофатизм

Рассматривая имена Бога, мы приходим к выводу, что ни одно из них не дает нам полного представления о Нем. Говоря о свойствах Бога, мы также обнаруживаем, что их совокупность не есть Бог. Бог превосходит любое имя: назовем ли Его бытием – Он превосходит бытие, Он есть сверхбытие; назовем ли правдой или справедливостью – в Своей любви Он превосходит всякую справедливость; назовем ли любовью – Он больше, чем любовь, Он сверхлюбовь. Бог также превосходит любое свойство, какое мы способны Ему приписать, будь то всеведение, всеприсутствие или неизменяемость. В конце концов мы приходим к пониманию того, что о Боге вообще ничего нельзя сказать утвердительно: все, что мы ни сказали бы о Нем, является неполным, частичным и ограниченным. Отсюда естественный вывод: мы не можем говорить о Боге, что Он *есть*, а можем только говорить, что Он *не есть*. Этот способ рассуждения получил название апофатического (отрицательного) богословия, в отличие от катафатического (положительного).

Апофатизм заключается в отрицании всего, что *не есть* Бог. По словам протоиерея Георгия Флоровского, Бог «выше... всякого ограничения, выше всякого определения и утверждения, а потому и выше всякого отрицания... Божество выше всех умозрительных имен и определений... Бог

не есть ни душа, ни разум, ни воображение, ни мнение, ни мышление, ни жизнь, Он не есть ни слово, ни мысль... Бог не есть „предмет“ познания, Он выше познания... Поэтому путь познания есть путь отвлечения и отрицания, путь упрощения и умолкания... Бога мы познаем только в покое духа, в покое незнания. И это апофатическое незнание есть скорее сверхзнание – не отсутствие знания, но совершенное знание, несоизмеримое поэтому со всяким частичным познанием. Это незнание есть созерцание...

Бог познается не издали, не через размышление *о Нем*, но через непостижимое *с Ним* соединение...

Апофатическое восхождение ума к Богу Отцы и учителя Церкви сравнивают с восхождением Моисея на гору Синай к Богу, Который окружил Себя мраком (ср. 2 Цар. 22: 12). Божественный мрак означает отсутствие чего-либо материального или чувственного. Вступить в Божественный мрак означает выйти за пределы умопостигаемого бытия. Израильский народ во время встречи Моисея с Богом должен был находиться у подножия горы, т. е. в пределах катафатического знания о Боге, и лишь один Моисей мог вступить во мрак, т. е., отрешившись от всего, встретиться с Богом, Который вне всего, Который *там, где нет ничего*. Катафатически мы говорим о Боге, что Он есть Свет, но тем самым мы невольно уподобляем Бога чувственному свету. И если о преобразившемся на Фаворе Христе сказано, что «просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми,

как свет» (Мф. 17: 2), то катафатическое понятие «свет» дано здесь символически, так как речь идет о нетварном сиянии Божества, превосходящем всякое человеческое представление о свете. Апофатически мы можем назвать Божественный свет свержсветом или мраком. Таким образом, Синайский мрак и Фаворский свет – это одно и то же.

В нашем понимании Бога мы чаще прибегаем к катафатическим понятиям, так как это легче и доступнее для ума. Но катафатическое знание имеет свои пределы, которые оно не в силах переступить. Путь отрицаний соответствует духовному восхождению к тем Божественным высотам, где умолкают слова, где замирает разум, где прекращаются всякое человеческое знание и постижение, «*где Бог*». Не на путях спекулятивного знания, а в глубине молитвенного молчания душа может встретить Бога, Который открывается ей как *не-постижимый, не-приступный, не-видимый* и вместе с тем живой, близкий и родной – как Бог-Личность.

Бог Троица

Христиане веруют в Бога Троицу – Отца, Сына и Святого Духа. Троица – не три бога, но один Бог в трех Ипостасях, т. е. в трех самостоятельных персональных (личностных) существованиях. Это тот единственный случай, когда $1 = 3$ и $3 = 1$. То, что абсурдно для математики и логики, является краеугольным камнем веры. Христианин приобщается к тайне Троицы не через рассудочное познание, а через покаяние, т. е. полное обновление ума, чувств, сердца, всего нашего существа (греческое слово «покаяние» – *metanoia* – буквально означает «перемена ума»). Невозможно приобщиться к Троице, пока ум не сделается просветленным и преображенным.

Учение о Троице не изобретение богословов – это богооткровенная истина. В момент Крещения Иисуса Христа Бог впервые со всей ясностью являет Себя миру как Единство в трех Лицах: «Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился, отверзлось небо, и Дух Святой сошел на Него в телесном виде, как голубь, и был голос с небес, говорящий: Ты Сын Мой возлюбленный, в Тебе Мое благоволение!» (Лк. 3: 21–22). Голос Отца слышен с небес, Сын стоит в водах Иордана, Дух сходит на Сына. Иисус Христос многократно говорил о Своем единстве с Отцом, о том, что Он послан в мир Отцом, называл Себя Сыном Его (см. Ин. 6–8). Он также обещал ученикам послать к ним Духа Утеши-

теля, Который от Отца исходит (см. Ин. 14: 16–17; 15: 26). Отправляя учеников на проповедь, Он говорит им: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19). И в писаниях апостолов также говорится о Боге Троице: «Три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух, и сии Три Суть Едино» (1 Ин. 5: 7).

Только после пришествия Христа Бог открылся людям как Троица. Древние евреи свято хранили веру в единого Бога и не смогли бы понять идею троичности Божества, однозначно восприняв ее как троебожие. В эпоху, когда в мире безраздельно господствовал политеизм, тайна Троицы была сокрыта от человеческих взоров, как бы спрятана в самой сердцевине истины о единстве Божества.

Троичная терминология

С первых дней существования Церкви христиане верили в Отца, Сына и Святого Духа. Однако понадобилось несколько столетий, чтобы учение о Троице было облечено в точные богословские формулировки. Выработать соответствующую терминологию было необходимо, во-первых, для того, чтобы опровергать возникавшие ереси, и во-вторых, чтобы о Троице можно было говорить людям, воспитанным на традициях античной философии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.